

ТРУД ЭНТУЗИАСТА

К выходу в свет книг «Махабхараты» в переводе академика
АН Туркменской ССР Б. Л. Смирнова

В дореволюционную пору ни Академия наук, ни Восточное отделение Российского археологического общества не рассматривали Ашхабад как возможный центр востоковедческой науки. Востоковедение в те времена тяготело главным образом к Петербургу и в меньшей степени — к Москве, Киеву, Харькову, Казани, Тифлису. Могучий стимул, который получила отечественная востоковедная наука в результате победы Великого Октября и успешного разрешения национального вопроса в нашей стране, в результате небывалого расцвета культуры народов Советского Востока, способствовал также энергичному развитию востоковедной науки там, где раньше о ней и не помышляли. Возросло значение таких центров востоковедения, как Ташкент, Сталинабад, Баку, Тбилиси, Ереван. В этих городах ученые не только проводят большую научно-исследовательскую работу, но и готовят высококвалифицированные кадры ориенталистов.

Традиционным центром индологии был Ленинград. Им он остается и по сей день. Но за последнее время, и особенно в последние годы, работы по изучению Индии наиболее широко развернулись в Москве. Делает свои первые шаги и молодая индология Узбекистана. К числу ее заслуг нужно отнести, между прочим, подготовку и издание первого в нашей стране учебника хинди для начальной школы, а также плодотворную деятельность узбекских ученых по популяризации литературы народов Индии среди советского читателя. Исчезает ограниченность востоковедной науки рамками нескольких традиционных центров, и сегодня, говоря о советской индологии, мы уже не только не можем, но и не имеем права ограничивать свой горизонт лишь Москвой и Ленинградом.

Об этом убедительно свидетельствует немаловажное событие в нашей индологии, до сих пор не получившее должной оценки ни со стороны печати, ни со стороны научной общественности.

В 1958 году в Ашхабаде вышел четвертый том серии переводов из замечательного памятника древности — индийского эпоса «Махабхарата». Четыре тома переводов из этого эпоса — результат многолетнего самоотверженного труда действительного члена Академии наук Туркменской ССР Бориса Леонидовича Смирнова. Еще недавно единственным путем ознакомления с «Махабхаратой» было либо обращение к старым пересказам, которые, конечно, не могли удовлетворить советского читателя, либо к изданной в 1950 году первой части эпоса в прозаическом переводе В. И. Кальянова. Теперь мы можем представить себе великую эпопею индийского народа в более полном виде.

До 1955 года почти никто не знал о Б. Л. Смирнове как об ученом-индологе. И это не случайно, ибо Б. Л. Смирнов посвятил всю свою жизнь медицине и отдал много сил благородному делу здравоохранения. Работая в Туркменской ССР, он воспитал немало молодых врачей. Его перу принадлежит значительное количество трудов по анатомии и различным вопросам медицинской науки.

Несмотря на то, что Борис Леонидович Смирнов не имеет специального философского и лингвистического образования, он уже в течение 50 лет занимается вопросами философии и лингвистики. Санскрит Б. Л. Смирнов стал изучать с 1918 года, но только в 1955 году опубликовал первый выпуск переводов из «Махабхараты». В него вошли две поэмы из третьей книги эпоса — «Сказание о Нале» и «Супружеская верность». В 1956 году он издал второй выпуск, включающий знаменитую философскую поэму «Бхагавадгита». Впервые с этим произведением русских читателей познакомил один из деятелей отечественного просвещения Н. И. Новиков. Это было в конце XVIII века. «Бхагавадгита» оказала значительное влияние на некоторых европейских философов. В своем введении к переводу Б. Л. Смирнов справедливо указывает на это влияние и попутно отмечает, что

ни у нас, ни в зарубежной литературе до сих пор нет работ, достаточно полно характеризующих влияние индийской философии на развитие европейской философской науки.

В 1956 году тяжелая болезнь вынудила Б. Л. Смирнова уйти на пенсию. Тем не менее он настойчиво продолжает свою любимую работу. В 1957—1958 годах ученый издает третий и четвертый выпуски переводов из «Махабхараты», охватывающие ряд эпизодов эпоса, до сих пор оставшихся неизвестными нашему читателю. Сейчас Борис Леонидович готовит новый, пятый, выпуск переводов, стремясь расширить наши представления о «Махабхарате». Но уже сегодня благодаря его стараниям мы можем представить себе всю полноту содержания титанического памятника творческого гения народов Индии.

В своих переводах ученому удалось передать глубоко гуманистический смысл поэмы, ее этический пафос.

Б. Л. Смирнов подчеркивает — как важную особенность идейного содержания эпоса — культ разума и знания, огромное уважение к человеческому интеллекту. Достаточно привести такую выдержку из поэмы в его переводе:

«Праведный в тяжких страданиях да прибегнет к разуму как к лекарству. Пусть принимает он корень знания, труднодостижимое, великое средство. Человек, овладевший разумом, рассекает великий недуг страданий».

«Махабхарата», — пишет Б. Л. Смирнов, — считает позором ложь при каких бы то ни было обстоятельствах и при положительной характеристике не преминет упомянуть о правдивости данного лица» (стр. 13).

Мы не ставим перед собой задачу дать подробный анализ и оценку всей эпической поэмы и ее перевода. Мы хотели бы прежде всего обратить внимание широкой общественности на эту большую и талантливую, но еще не получившую должного признания, работу востоковеда-подвижника.

Достоинства работ Б. Л. Смирнова отнюдь не ограничиваются точным и мастерским переводом текстов. Каждый из четырех томов его переводов снабжен обстоятельным введением, поднимающим до уровня монографической работы (например, введение к «Бхагавадгите»), и подробным историко-литературным комментарием. Особенно нужно приветствовать то, что исследователь не ограничивается позитивным изложением тех или иных фактов. Он смело вступает в научную полемику с крупными авторитетами европейской

индологии и индийскими филологами, литературоведами и философами.

Большой интерес представляют его опыты поэтического перевода индийского эпоса. Б. Л. Смирнов совершенно справедливо указывает на то, что нельзя дробить перевод эпоса на так называемый научный перевод и перевод художественный. В отношении эпоса «перед переводчиком, — пишет он, — почти в одинаковой мере ставится требование и научности, и художественности перевода». Ученый не стремится ограничить работу переводчика рамками заранее установленных догм и подчеркивает, что «передача санскритского стиха русским может быть только условной». Это вовсе не должно вести к переводческому произволу, но облегчает подбор адекватной формы русского стихосложения, наиболее близкой к форме оригинала.

Работа, проделанная Б. Л. Смирновым, имеет большое значение не только для Туркмени, но и для всей нашей индологии, для дела дальнейшего упрочения культурных связей народов Советского Союза с народами Индии.

Однако Академия наук Туркменской ССР не придала должного значения этой работе, о чем свидетельствует мизерный тираж книги (1000 экземпляров) и низкий полиграфический уровень издания в целом. Оно малодоступно даже в таких центрах востоковедения, как Москва и Ленинград, а также в Ташкенте, Сталинабаде. Не приходится говорить, что переводы «Махабхараты», которые Б. Л. Смирнов обращает к широкому читателю, остаются, в сущности, вне пределов досягаемости даже для специалистов-индологов.

Мы не сомневаемся в том, что Б. Л. Смирнову будет оказана должная помощь в завершении издания его переводов и исследований в области индийского эпоса со стороны Академии наук Туркменской ССР и Института востоковедения Академии наук СССР. Индологические исследования в Туркмени, которым положил начало своим самоотверженным трудом замечательный энтузиаст науки Б. Л. Смирнов, должны быть успешно продолжены и расширены.

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть всю значимость труда Б. Л. Смирнова как прекрасного продолжения замечательных традиций отечественной науки, не знающей разницы между столичными городами и так называемой периферией, тех традиций, лучшими представителями которых были И. В. Мичурин и К. Э. Циолковский.

И. СЕРЕБРЯКОВ

П. П. Севостьянов. *Экспансионистская политика США на Дальнем Востоке (в Китае и Корее в 1905—1911 годах)*, М., Госполитиздат, 1958, 312 стр.

Исторические факты неопровержимо свидетельствуют о том, что американские монополисты на протяжении десятилетий пытаются любыми средствами подчинить Китай, чтобы бесконтрольно хозяйничать в нем. Особенно четко эту политику можно проследить в период пробуждения китайского народа к борьбе за независимость. Именно тогда наметились контуры провокационной политики американских империалистов по отношению к Китаю, которые в настоящее время приняли столь определенные формы шантажа и агрессии. Исторический анализ этого периода представляет особый интерес.

Анализу захватнической политики США в период пробуждения народов Востока и посвящена монография П. П. Севостьянова «Экспансионистская политика США на Дальнем Востоке (в Китае и Корее в 1905—1911 годах)».

«Американский политический маклер Даллес любит заниматься чужими делами», — заявил министр обороны КНР Пын Дэ-хуай¹.

Объясняя свою «любовь» к Китаю, государственный секретарь США Д. Ф. Даллес во время специального визита на Тайвань 22 октября 1958 года, как сообщило агентство Синьхуа, распространялся о тесных связях своей семьи с Китаем. Он упомянул, что его дед принимал участие в заключении китайско-японского Симоносекского договора после китайско-японской войны 1894—1895 годов, по которому Китай «уступил» Тайвань Японии.

Находясь на службе у китайского правительства в качестве советника, дед Даллеса принес больше пользы Японии, чем Китаю. Бравируя тем, что он унаследовал традиции своей империалистической семьи, Джон Фостер Даллес добивается осуществления главного в политике американского империализма на Дальнем Востоке — уничтожения Китайской Народной Республики и восстановления власти реакционных сил, свергнутых китайской народной революцией.

Американская политика использования китайцев против Китая не нова. Она имеет более чем полувековую историю.

Еще 50 лет назад дипломатическая служба, а также промышленные и финансовые монополии США прилагали большие усилия для экономического проникновения в Китай с целью подчинения его интересам американского империализма.

Домогательства американских дипломатов, выступавших с предложением об «интернационализации» маньчжурских железных дорог, об организации Банка трех восточных провинций, об участии США в Международном банковском консорциуме и т. д., объяснялись тем обстоятельством, что за их спиной стояли мощные американские банки и крупные финансисты, в частности Эдвард Гарриман — отец Аверелла Гарримана, бывшего посла США в Москве. «Замыслы таких лиц, как Э. Гарриман, — говорится в рецензируемой книге, — разумеется, были не только выражением алчности американских магнатов. Они отражали возникшие в 50-х годах прошлого века бредовые мечты американского капитализма о создании тихоокеанской империи во главе с США» (стр. 20).

Для выполнения этих империалистических задач и служила американская политика использования китайцев против Китая, или так называемая политика управления Китаем китайцами. В своей книге автор подробно рассматривает этот лозунг. Еще в период антиимпериалистического движения Ихэтуань (1900—1901 годы) американский миссионер Мартин (он же Дин Вей-лань) высказал дипломатическому корпусу в Пекине свои соображения о том, что «для управления Китаем надо использовать самих китайцев, другого средства нет» (стр. 104). Это соображение и было учтено при составлении «Заключительного протокола 1901 года», укрепившего господствующее положение империалистических держав в Китае.

Для осуществления своих коварных замыслов подчинения и закабаления китайского народа дипломатия США всегда подыскивала и делала ставку на «сильного», подходящего для американского империализма человека. Так было в период синхайской революции, когда американские империалисты, надеясь с помощью внутренних реакционных

¹ «Правда», 26 октября 1958 года.